

РОССИЙСКИЕ ВУЗЫ ВЫХОДЯТ В МИР

В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И РОССИЙСКОГО ДЕМОГРАФИЧЕСКОГО КРИЗИСА ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ВУЗЫ ОКАЗАЛИСЬ ПЕРЕД ОЧЕВИДНЫМ ФАКТОМ: ДАЛЬНЕЙШЕЕ ИГНОРИРОВАНИЕ ВСЕМИРНОЙ КОНКУРЕНЦИИ ЗА САМЫХ ТАЛАНТЛИВЫХ И ОБЕСПЕЧЕННЫХ СТУДЕНТОВ ПРИВЕДЕТ К ОКОНЧАТЕЛЬНОЙ ПОТЕРЕ РОССИЙСКИМ ОБРАЗОВАНИЕМ БЫЛЫХ ВЕДУЩИХ ПОЗИЦИЙ. АНТОН КИРСАНОВ

Российская система образования становится все менее изолированной. Двадцать два года назад с падением СССР россияне получили возможность обучаться за рубежом. В 2003 году в европейское пространство высшего образования за ними вошли российские вузы, вступив в Болонский процесс. А в прошлом году Россия стала членом ВТО, окончательно сняв преграды для прихода иностранных поставщиков образовательных услуг на отечественный рынок.

«Российский рынок образования ограничен только языковым барьером выпускников школ, — говорит Артем Менумеров, представитель в России хельсинкского Metropolia University. — Глобальный рынок высшего образования — англоязычный. С развитием новых технологий, таких как массовые открытые онлайн-курсы, он становится все более доступным вне зависимости от места пребывания студента». Уже сейчас ближайшие к Петербургу финские университеты — Лаппенрантский технологический, Сайменский университет прикладных наук в значительной степени ориентированы на Россию. По словам Артема Менумерова, объем расходов на обучение в Финляндии сопоставим с расходами иногородних студентов петербургских вузов.

В свою очередь, российские вузы также все активнее привлекают иностранцев. За последние десять лет на волне общемирового роста числа студентов, получающих высшее образование вне родины прием иностранцев в отечественных университетах вырос почти в три раза. Если в 2001 году Росстат насчитал 60,7 тыс. таких обучающихся, то в 2011 году — 177,7 тыс. Благо резервы для привлечения студентов извне появляются — количество выпускников школ год от года снижается, а правительство взяло курс на сокращение бюджетных мест и финансирования вузов.

Основной рынок, за который борются российские университеты, — учащиеся из СНГ и стран Балтии (около двух третей студентов-иностранцев), Азиатского региона (28%) и Африки (6%), русскоговорящие или готовые освоить русский язык. Сеть филиалов отечественных вузов раскинута практически по всем бывшим советским республикам. Филиалы МГУ открыты в Астане, Ташкенте, Севастополе. Петербургский гуманитарный университет профсоюзов обучает студентов в Алма-Ате и Севастополе, а Институт внешнеэкономических связей, экономики и права — в Ереване и Баку.

По данным НИУ ВШЭ, иностранцы составляют около 2% от общей численности студентов в России. Для сравнения: в Великобритании иностранцем является каждый пятый студент, в Германии, Франции и Канаде — каждый десятый. С финансовой точки зрения доля России также невелика. По оценке экспертов, объем

ЗА ПОСЛЕДНИЕ ДЕСЯТЬ ЛЕТ ПРИЕМ ИНОСТРАНЦЕВ В ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТАХ ВЫРОС ПОЧТИ В ТРИ РАЗА

международного рынка услуг высшего профессионального образования составляет 60–90 млрд рублей. Около 35% от этой суммы ежегодно поступает в бюджеты американских университетов, 32,3% студенты оставляют в ЕС и более 16% — в Австралии и Новой Зеландии, говорится в отчете ВТО. На Россию приходится только около 0,5% этих средств.

ОБРАЗОВАНИЕ ПУСТИЛОСЬ ВДОГОНКУ Крупнейшие вузы уже осознали необходимость конкурировать с западными университетами и делают попытки привлечения европейских студентов. В СПбГУ учатся студенты из Голландии, Австрии, Италии, Германии. Совместно с европейскими университетами в вузе запускают магистерские программы, приглашают светил мировой науки, разрабатывают курсы на английском языке, а преподавателей — направляют на стажировки за границу. Аналогичная ситуация — в Политехническом университете. В нем запущено уже семь магистерских программ на английском языке с возможностью частичного обучения в партнерских европейских и азиатских вузах.

«В нашу контрактную магистратуру уже поступают выпускники бакалавриата из Финляндии и Канады, владеющие русским, — рассказывает декан инженерно-строительного факультета Санкт-Петербургского государственного политехнического университета Николай Ватин. — Кроме того, мы разрабатываем образовательные программы на английском языке, а прошлым летом запустили проект летней бизнес-школы. На него записалось 12 студентов из Германии».

Кроме того, на инженерно-строительном факультете Политеха ужесточили тре-

бования к знанию английского языка — теперь он преподается в течение всего срока обучения, а каждая публичная защита работы включает в себя часть материалов, доклад по которым ведется на английском. На двух языках проходит и дискуссия преподавателей со студентами. К преподавателям требования не менее строгие. «Если человек не знает язык совсем, наверное, нам такой преподаватель не нужен. Сейчас у нас идет естественная селекция», — говорит Николай Ватин.

«Современные технологии образования присутствуют в российской системе, но в зачаточном состоянии, — говорит Артем Менумеров. — Мир быстро уходит от традиционной логики построения образовательного процесса в направлении персонализации программ, гибких электронных курсов, сетевых и проектных форм обучения». В ведущих мировых университетах отказываются от классического надиктовывания лекций. Наличие у каждого студента гаджетов с постоянным доступом в интернет позволяет преподавателю выйти из роли лектора и учиться вместе с аудиторией в интерактивном режиме. Для внедрения современных методик обучения необходимо направлять российских профессоров в лучшие мировые вузы, а появившийся российский опыт — анализировать и тиражировать. Гонка образовательных методик аналогична технологическому прогрессу в электронике, и отказ от участия в ней постоянно увеличивает разрыв между университетами, полагает Артем Менумеров.

«В российских вузах возникло серьезное противоречие в системе стимулирования, которое мешает их развитию», — считает Виктор Тимченко, доцент кафедры управления образованием факультета

управления РГПУ им. А. И. Герцена. Новая система оплаты труда предполагает, что преподаватели получают значительную часть своего дохода, участвуя во внебюджетных образовательных программах и научно-исследовательских проектах. Но в реальных условиях это не так просто — для этого нужно организовать участие в конкурсах, разработать привлекательные образовательные программы, профессионально продвигать и бренд университета, и конкретные научно-образовательные услуги. «Это сложно, дано не каждому, да и специальных знаний у педагогов нет; поэтому они идут по пути наименьшего сопротивления — бегают по нескольким вузам, зарабатывая достойную зарплату, но расплывая при этом свой творческий потенциал и нанося ущерб качеству образования, — говорит Виктор Тимченко. — Администрация подавляющего большинства вузов не справляется с ситуацией, потому что не умеет управлять корпоративной идентичностью и не может создать условия для профессиональной и социальной самореализации преподавателей».

Впрочем, пока что у российского профессионального образования есть существенная форa — работодатели, за исключением крупных международных компаний, еще мало знакомы с выпускниками зарубежных вузов и бизнес-школ и в большей мере ориентируются не на «корочки», а на реальные навыки и опыт претендентов. «Что касается бизнес-образования, то западные и американские бизнес-школы дают качественно более высокий уровень современных знаний и умений, нежели российские, — рассказывает Рафаил Алиев, управляющий партнер консалтинговой компании HR Solutions. → 52